

Методолого-психологические размышления в гуманистическом контексте. Очерк 1.

Георгий Балл

Проблемы методологии науки (и, может быть, психологической науки в особенности), как известно, весьма запутанны и вместе с тем весьма интересны. Помимо прочего, Наверное, благодаря тесному переплетению вопросов методологии психологии и психологии методологии [30]. Свои соображения по поводу некоторых из этих вопросов – интересуюсь при этом взаимосвязью только что названных областей и придерживаясь гуманистической ориентации как в общемировоззренческом, так и в собственно психологическом аспектах – я излагаю ниже.

1. Первый вопрос, который я затрону, касается *простоты и сложности* в построении психологических концепций. Критикуя ту или иную концепцию, едва ли не чаще всего (и, большей частью, небезосновательно) ссылаются на ее неправомерную упрощенность в сравнении с таким сверхсложным явлением, как человеческая психика. Однако справедливость этих претензий каким-то странным образом сочетается с предельной простотой тех идей и научных моделей, которые сильнее всего повлияли на развитие психологической науки и психологической практики. Достаточно вспомнить (ограничиваясь психоаналитической традицией) трехчленную структуру психики (*Оно, Я, Сверх-Я*) по З. Фрейду, или три «Эго-состояния» личности (*Ребенок, Взрослый, РРРодитель*) по Э. Берну, или три направления движения личности (*к людям, против людей, от людей*) по К. Хорни.

Обращаясь к отечественной психологии, можно констатировать высокую эвристическую силу, опять-таки, очень простых идей. Вот характерные примеры: 1) три качественно различных психических уровня (уровня развития личности) по А.Ф. Лазурскому [18]: при *низком* уровне удовлетворительное приспособление человека к социальной среде не достигается, при *среднем* уровне – достигается, люди же *высшего* уровня в большей или меньшей мере приспособливают среду к себе; 2) формулировки принципа детерминизма в психологии по С.Л. Рубинштейну и по А.Н. Леонтьеву (не привожу их, считая известными читателю); 3) типология жизненных миров человека по Ф.Е. Василюку [10]: указанный мир может быть внутренне *простым* или *сложным*, а внешне – *легким* или *трудным*, так что комбинирование этих признаков дает четыре типа жизненных миров.

Итак, несмотря на колоссальную сложность исследуемого объекта, именно простые идеи оказываются полезнее всего в его познании. И понятно, почему: ведь их легко усвоить, и с ними относительно легко работать (в данном контексте уместно требование «функциональности знаний» [3]). Однако польза будет достигнута, конечно, лишь при условии, что указанные простые идеи ухватили в изучаемом объекте что-то весьма важное. В конце концов, издавна известно: *всё гениальное просто*, – равно как и то, что *не всё простое гениально* (припоминается выражение «простота хуже воровства»).

Впрочем, в соответствии со сказанным в аннотации к статье, перейдём от методологии психологии к «психологии методологии». Психологу не к лицу ограничиваться ссылкой на гениальность – он призван раскрывать её механизмы. Конечно же, я не ставлю перед собой такой амбициозной цели, но некоторые соображения выскажу.

Следует акцентировать внимание на том (вообще, достаточно известном) тезисе, что для выдвижения весьма продуктивных идей необходимы не только сугубо когнитивные качества (глубокое знание исследуемых объектов, широкая эрудиция, способность к осуществлению обобщений, владение эффективными стратегиями творческого мышления [24] и т. п.), а и качества собственно личностные. Одно из важнейших среди них – профессиональная смелость в научной деятельности, когда мотив обретения истины сильнее мотивов сохранения или достижения социального комфорта. Чаще всего содержание указанной смелости трактуют как готовность к выдвижению идей оригинальных, непривычных (даже «сумасшедших» – вспомним известное высказывание Нильса Бора). Не приуменьшая этой стороны дела, обратим внимание и на другую. Смелость нужна и для того, чтобы (вопреки скептическому отношению коллег) делать акцент на очевидных, даже банальных истинах и вместо того, чтобы пренебрегать ими, обращаясь к более интересным (или более модным) идеям, – как можно полнее раскрывать содержание этих «банальностей». Ведь и до Берна все прекрасно знали, что взрослые люди сплошь и рядом ведут себя как дети, а дети временами действуют с ответственностью и пониманием ситуации, которым могут позавидовать взрослые. Что же касается вышеупомянутой концепции Хорни, то куда вообще может двигаться человек среди других людей, как не к ним, против них или от них? Предшественники и коллеги этих психологов анализом таких «банальностей» пренебрегли. Не сожалели ли они впоследствии?

2. Когда же упрощение в самом деле неправомерно, вредно, в частности в психологическом познании? Во все не в случае применения простых моделей, а в случае их (и даже значительно более сложных моделей) абсолютизации и догматизации. В данном контексте нельзя не вспомнить заявление Абрахама Маслоу: „лично я и фрейдист, и бихевиорист, и гуманист, и к тому же еще разрабатываю то, что может быть названо четвертой психологией – психологией трансценденции” [23, с. 12]. Человеком, воспитанным в советской традиции идейной конфронтации (у нас было принято требовать четкости идейных позиций, непримиримости к проявлениям буржуазной идеологии и т. п.), это заявление воспринимается как очень странное. На взгляд такого человека, Маслоу демонстрирует здесь свою беспринципность. Он – непонятно кто, в лучшем случае эклектик. Недаром его критиковали в Советском Союзе, хотя и признавали, что кое-что положительное у него есть...

На самом же деле Маслоу хорошо понимал: жизнь очень многогранна, а человек – существо весьма разностороннее. Вдобавок, жизнь не остается неизменной, а развивается. Так что в зависимости от ситуации, в которой находится человек, от этапа его развития, от проблем, стоящих перед ним, наиболее адекватным, наиболее полезным может оказаться тот или иной из имеющихся в психологии теоретических подходов. Следовательно, их *плюрализм* – вполне закономерное явление и как таковое не заслуживает отрицательной оценки.

Поскольку теоретические приоритеты в большой мере определяют то, какому из методов психологического воздействия отдается предпочтение, рассматриваемый вопрос оказывается тесно связан с практикой предоставления психологической помощи и вместе с тем – с этико-мировоззренческими приоритетами, в том числе характерными для гуманистической ориентации в психологии.

Поясню свою мысль. Для указанной ориентации, в её применении к психотерапии и психологическому консультированию, важнейшим считают принцип «клиентоцентрированности», обоснованный Карлом Роджерсом. Его суть состоит в том, что ответственным лицом, принимающим решения, является клиент, а психотерапевт, опираясь на свои профессиональные знания и опыт, оказывает ему необходимую поддержку. Однако речь может идти также о *клиентоцентрированности в обобщенном смысле*. Ведь при оказании помощи конкретному человеку главным для психолога, как и

для врача, должно быть благо пациента (или клиента). Если ты не владеешь методом, наиболее подходящим для данного индивида, то передай его другому врачу или психологу. А если владеешь разными методами, то важнее оказать действенную помощь пациенту или клиенту, чем сохранить чистоту своего метода. И, опять-таки, совершенно ясно, что психологические проблемы могут быть разные, разной может быть характер критической ситуации (хотя бы по классификации Ф.Е. Василюка [10]) – поэтому нельзя подходить с одной меркой ко всем случаям. Здесь сто́ит процитировать известного украинского психолога Ю.З. Гильбуха. В последних опубликованных при его жизни тезисах он писал: «В опыте автора как практикующего психотерапевта гуманистическая парадигма (Карл Роджерс, Абрахам Маслоу) играет весьма важную, хотя и далеко не универсальную роль» [13, с. 32]. И далее, сообщив о плодотворном применении им во многих случаях приемов, наработанных в рамках этой парадигмы, Гильбух указал также и на необходимость обращаться к другим техникам, если приходят пациенты «с глубокими и стойкими ожиданиями получить четкие, конкретные рекомендации по преодолению своих расстройств, отклонений, отрицательных привычек» [13, с. 33].

Непосредственный вывод из вышесказанного такой: гуманизм на более высоком – на мета-уровне предусматривает, что следует отказываться от каких-то сторон гуманистической парадигмы, если в данном случае для пациента будет полезнее что-то другое. Да и вообще, как констатирует В.И. Рекало, опытный психотерапевт «знает об ограниченности и концепций, и методов того направления, представителем которого он является. Время от времени он вносит в свой психотерапевтический репертуар не присущие его школе элементы, чтобы быть в состоянии отвечать тем требованиям, которые предъявляет ему практика» [28, с. 79].

Впрочем, психотерапия, при всей ее важности, для нас лишь пример, который ярко иллюстрирует общеметодологический принцип: не следует абсолютизировать ни один подход к осуществлению деятельности (то ли познавательной, то ли преобразующей), каким бы прекрасным он ни был.

3. К проблеме, рассмотренной в п. 2, целесообразно подойти еще и в следующем аспекте. Мировоззренческая позиция гуманистически ориентированной психологии отличается толерантностью и диалогичностью. В своем отношении к конкретному человеку психолог-гуманист интересуется прежде всего его положительным потенциалом и исходит из того, что в принципе этот потенциал значителен. Что же касается имеющихся недостатков его поведения и душевной жизни, то, по Роджерсу, они связаны прежде всего с тем, что как *личность* этот человек еще не полностью функционирует. Если же он будет *функционировать полностью* (достижению этого состояния будет содействовать диалог с психотерапевтом), есть основания надеяться на значительно лучшие результаты.

Следует отметить, что подобное отношение проявляли не только деятели, причастные, так сказать, официально к гуманистической психологии. Например, по воспоминаниям Е.А. Климова, его учитель В.С. Мерлин подчеркивал (ссылаясь на А.С. Макаренко и М. Горького), что в людях «важно видеть прежде всего ценное, положительное (“Недостатки и дурак заметит”, – в сердцах бросил он как-то)» [16, с. 115].

Констатируя значимость такого отношения к людям, спросим себя: не должно ли быть аналогичным гуманистическое отношение к разным позициям (подходам, концепциям и т. п.) в науке, в профессиональной деятельности вообще, в общественной жизни – конечно, при наличии необходимой основы для сотрудничества (общих главных целей, важнейших интересов и т. д.)? Не следует ли сосредоточиваться в восприятии позиций, отличных от

своей, прежде всего на их положительном потенциале, на возможностях их конструктивного развития (так, как это делает психотерапевт-гуманист, воспринимая клиента, или педагог-гуманист, воспринимая ученика¹) – и оказывать содействие такому развитию указанных позиций (а вместе с тем и своей собственной) средствами *диалога*?

Конечно, мои вопросы – риторические. В предыдущем абзаце кратко изложена сущность *гуманистической парадигмы человеческих взаимоотношений* [2; 6], которая, хотя и значительно уступает по степени распространенности в мире *авторитарной* и *либеральной* парадигмам, тем не менее получает всё большее признание – не только как средство решения разнообразных конкретных проблем, но и как необходимая предпосылка прогресса в разрешении проблем глобальных...

Именно в таком широком контексте следует рассматривать функции и перспективы гуманистически ориентированных направлений психологической науки и практики. Они выступают, с одной стороны, как проявление указанной гуманистической парадигмы в психологической сфере, а с другой – как фактор ее укрепления и распространения. Социокультурная значимость этих направлений реализуется и в профессиональной сфере (путем оказания конкретной помощи людям в решении их психологических проблем и в личностном росте), и вне этой сферы – благодаря возможности воспользоваться, в самых разных областях общественной жизни, более глубоким пониманием человеческой сущности, которого достигли указанные направления, а также обоснованными и реализованными в их рамках гуманистическими моделями поведения.

Именно в этом ключе, широко понимали свою миссию основатели Американской ассоциации за гуманистическую психологию. Джеймс Бюджентал, выступая 28 августа 1963 года на первом собрании этой ассоциации в качестве его президента, истолковал оформление гуманистической психологии как составляющую «большого прорыва». «Я думаю, – говорил он, – что мы на пороге новой эры в заинтересованности человека человеком. И если этому процессу будет разрешено и дальше идти тем же путем, то нам предстоят такие же глубокие сдвиги в человеческой жизни, как те, что были обеспечены достижениями физических наук в минувшем (т.е. XIX – Г. Б.) веке» [9, с. 81].

Тем не менее, при несомненных достижениях гуманистической психологии в разных сферах жизни, ее путь оказался намного более трудным, чем представлялось энтузиастам в его начале. Что же обусловило трудности на этом пути и меньшее, чем ожидалось, ее влияние, во-первых, на психологическую науку и практику и, во-вторых, на общество в целом? С одной стороны, отрицательную роль, безусловно, сыграла недостаточная готовность общества (включая профессиональное сообщество психологов) к принятию и реализации гуманистических принципов. Но своя часть вины лежит и на самой гуманистической психологии как составляющей указанного сообщества. Это признал один из ее видных представителей – Томас Грининг, оценив как досадную ошибку американской гуманистической психологии чересчур сильное «противопоставление себя другим течениям, а также антиинтеллектуалистическую установку» (цит. по [26, с. 6]).

Итак, приходится констатировать, что полноценное и последовательное соблюдение гуманистических принципов (во взаимодействии не только с клиентами, а и с коллегами, придерживающимися других подходов) оказалось слишком трудным и для психологов-гуманистов. Здесь речь шла о психологах США. Что уж говорить о некоторых их коллегах из постсоветского пространства, которыми, по свидетельству Е.Т. Соколовой, «идеи свободы, добра, любви... декларируются с тем же фанатизмом, который так памятен нам со времен господства коммунистической идеологии» [11, с. 164].

Вместе с тем, достичь качественных прорывов в познании сверхсложных объектов психологических исследований можно лишь через диалогическое взаимодействие разных концепций, подходов, парадигм. «Настало время, – пишет С.Д. Максименко, – взглянуть на определенную теорию с позиции другой, родственной, так как только при таком подходе можно получить исчерпывающее и истинно научное суждение» [21, с. 7].

4. Продолжим анализ очерченных в п. 2 и 3 проблем абсолютизации и догматизации положений той или иной концепции, а также нетолерантного отношения ее приверженцев к другим взглядам.

Известно, что чаще всего такие тенденции присущи в большей мере последователям основателя концепции, чем ему самому. К тому же, последнюю закономерность можно рассматривать как частное проявление более широкой, которая, по наблюдениям И.В. Равич-Щербо, характерна для истории науки: «у основателей концепции всё гораздо разнообразнее и фундаментальнее, чем у их последователей» [15, с. 47].

Немало подтверждений указанных закономерностей можно увидеть, анализируя развитие и взаимодействие научных школ в психологии. Равич-Щербо говорила о том, что теорию деятельности, которую разрабатывал А.Н. Леонтьев, «эту интереснейшую штуку, в конечном счете, свели к такому узенькому коридорчику, в котором, в общем-то, в какой-то момент становилось просто скучно» [там же]. В плане отношения представителей одного научного направления к другому стоит сравнить хотя бы позицию А. Маслоу относительно бихевиористической психологии (вплоть до признания самого себя, в частности, и бихевиористом – см. приведенную в п. 2 цитату; это, конечно, никак не исключало убеждения в *недостаточности* бихевиоризма) и саркастическую трактовку её К. Аантусом [1] как «психологии крысы». Дж. Бюджентал в упомянутой выше речи 1963 года был предельно чётко. Он отмечал, что гуманистическая психология не рассматривает себя как направление, конкурирующее с бихевиоризмом и психоанализом; «скорее, она старается дополнить осуществленные ими наблюдения, ввести новые установки и достичь новых проникновений» [9, с. 84]. К сожалению, американской гуманистической психологии не удалось удержаться на этой позиции. Этим она повредила прежде всего себе; как мы видели, по этому поводу позднее сожалел Т. Грининг.

Раскрытие психологических детерминант выделенных выше закономерностей составило бы весьма интересную тему исследования по исторической психологии науки. Здесь же позволю себе – в порядке подготовки гипотез такого исследования – обратить внимание на некоторые факторы, которые представляются важными. К ним, по-видимому, относятся:

– бóльшая креативность и талантливость, более широкая эрудиция, более высокий уровень духовной культуры основателя школы по сравнению с его последователями;

– бóльшая роль отстаиваемой концепции в самоидентификации последователей в сравнении с основателем школы; соответственно, как это ни удивительно, – ее большая субъективная ценность для них, чем для него. Издавна пользуется признанием мысль, что творец, тем паче гениальный, выше своих произведений, несмотря на все их достоинства. При другом стечении обстоятельств он мог бы создать другое произведение (в частности, другую научную концепцию), чем то, которое его прославил, – и он сознает это. Еще больше оснований есть у него для самокритики в отношении формы выдвинутых им положений (даже если они вошли в учебники). Он может помнить, например, что какая-то формулировка не нравилось ему самому, но некогда было искать лучшей. Вообще, мотивов для абсолютизации и догматизации своих идей у него меньше, чем у его фанатичных адептов. Здесь можно вспомнить известное высказывание К. Маркса о том, что он «в любом случае не марксист»;

– более важная для круга последователей, чем для основателя концепции, роль последней как фактора групповой идентификации, объединения группы и успеха в соперничестве с другими школами; в результате – обретение концепцией черт своеобразной идеологии, с характерным для таких образований тяготением к упрощению высказываемых идей, подмене теоретически обоснованных утверждений лозунгами, резкого противопоставления своей позиции другим подходам и т. п.;

– заинтересованность – при популяризации концепции, ее преподавании студентам, написании учебников и справочников и т. п. – в ее представлении, ради лучшего запоминания, в упрощенной, максимально четкой, даже афористической форме. При этом обычно пренебрегают той опасностью, что такая трансформация обеднит (а то и существенным образом исказит) содержание концепции.

Яркий пример неправомерного упрощения идей основателя научной школы приведу из сопредельной с психологией области – лингвистики. Тщательные текстологические исследования показали, что знаменитое положение «единственным и настоящим объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и ради себя», которое на протяжении длительного времени приписывалось Фердинанду де Соссюру, на самом деле ему не принадлежит; это положение «самовольно – для придания остроты изложению – внесли издатели курса лекций своего учителя Л. Сеше и Ш. Балли...» (цитирую Н.В. Бардину [7, с. 16]). И дело не только в том, что Соссюр не писал той пресловутой фразы, – он думал иначе. Он, «как показывают его опубликованные позднее записи, вовсе не собирался ограничиться моделированием только того, что он назвал *языком (langue)*; им было задумано создание двух параллельных, дополняющих друг друга лингвистик – “лингвистики языка” и “лингвистики речи”» [7, с. 17]. «А значит, – делает вывод Бардина, – ведущиеся в течение целых десятилетий споры о *соссюровском жестком имманентном структурализме* не имеют под собою реального основания» [там же].

Не входя в спор лингвистов, можем констатировать: приведённый пример наглядно демонстрирует, насколько более глубока и далека от догматизма подлинная позиция выдающегося ученого по сравнению с изложенной в отдельной работе (тем паче препарированной редакторами).

Вместе с тем искажения (и вытекающая из них компрометация) идей основателя научной школы совсем не обязательно связаны с насилием над его текстом; иногда, наоборот, они становятся следствием чересчур буквального восприятия последнего. По большей части не учитывают, что напряженная ситуация выдвижения новых идей (и сугубо когнитивная, и социально-психологическая, а иногда и собственно социальная), совершенно естественные при таких условиях эмоции побуждают к *провождению* этих идей в обостренной форме, с применением гипербол, метафор и т. п. – вообще, по законам скорее публицистического, чем научного дискурса. Со временем, так сказать, в спокойной обстановке или сам автор, или его последователи и комментаторы должны позаботиться о том, чтобы, не теряя смысла выдвинутых идей, обеспечить их *изложение* в форме, максимально соответствующей принятым в науке логико-методологическим нормам (пусть в их характерном для гуманитарной сферы смягченном варианте). К сожалению, в психологии по большей части пренебрегают этим требованием и путают метафорические утверждения с собственно теоретическими.

В этом плане не посчастливилось научному наследию А.Н. Леонтьева. Я имею в виду прежде всего его известный тезис: «Предмет деятельности есть ее действительный мотив» [20, с. 153]. Истолкованный буквально, при обычном понимании предмета деятельности как (чаще всего) внешнего относительно субъекта, он выглядит едва ли не абсурдным. В самом

деле, при таком толковании он искусственно изымает мотив из системы связанных с ним компонентов психики (таких, как потребность, цель, установка), пренебрегает случаями искаженного, ошибочного отображения психикой тех или иных объектов, игнорирует осуществленное Л.С. Выготским [12, с. 284 – 285] четкое различие стимула и мотива. Между тем, всё становится на свои места, если принять, что в обсуждаемом тезисе словосочетание «предмет деятельности» употреблено метафорически. Тексты А.Н. Леонтьева дают для этого вполне достаточные основания. Не говоря уже о многих конкретных примерах, не оставляющих сомнения в понимании автором мотива как психического явления, А.Н. Леонтьев неоднократно высказывает в общей форме мысль о том, что для мотива существовать – «значит существовать для субъекта, ... быть отраженным, как-то представленным в голове субъекта» [19, с. 181], что именно отражаемый объект приобретает функции побуждения и направления деятельности, «то есть становится мотивом» [20, с. 205]. То есть (детальнее см. [4; 22]), вполне адекватной представляется интерпретация идей А.Н. Леонтьева в том смысле, что мотивом становится психический образ предмета деятельности. При такой интерпретации устраняются недоразумения, обусловленные буквалистским пониманием метафорического утверждения, – и вместе с тем полностью сохраняется главный смысл анализа мотивов А.Н. Леонтьевым – акцентирование *предметной отнесенности мотива*. Ценность такого акцентирования состоит, прежде всего, в придании понятию «мотив» качественной определенности – в отличие от распространенного отождествления мотива с любым относительно устойчивым психическим звеном в детерминации поведения... Однако напрасно, по-моему, чересчур ревностные последователи А.Н. Леонтьева старались непосредственно вписать метафорические формулировки в теоретическую систему.

Впрочем, при всех претензиях к пылким приверженцам той или иной научной школы, их роль надо оценивать справедливо: без их усилий, направленных на распространение, разъяснение, отстаивание, практическое внедрение идей основателя, его достижения нередко могли бы остаться «вещью в себе». К сожалению, платой за вхождение концепции в реальную жизнь является, как правило, ее меньшая или большая вульгаризация.

Так или иначе, в констатированных выше тенденциях и закономерностях находят воплощение общие законы функционирования *культуры*; конкретнее говоря – существование и взаимодействие в ее составе двух необходимых сторон: *нормативно-репродуктивной* (часто обозначаемой как *цивилизационная*) и *диалогически-творческой* (культурной, в узком смысле) [5; 8]. Ясно, что основатели концепций реализуют в основном диалогически-творческую сторону культуры, а их последователи и интерпретаторы – нормативно-репродуктивную.

Вместе с тем, и общая гуманистическая установка на максимальное развертывание и совершенствование конструктивного потенциала каждого человека (см. п. 3), и необходимость сопротивления (на уровне социумов и человечества в целом) угрожающей экспансии дисгармоничных (с чрезмерным преобладанием цивилизационной составляющей) форм культуры [14] – побуждают к осуществлению культурной и образовательной политики, нацеленной на окультуривание и одухотворение цивилизации, на обогащение деятельности возможно более широкого круга лиц диалогически-творческими компонентами. Одним из действенных путей реализации такой стратегии (и неотъемлемой составной частью диалого-культурологического подхода в образовании – общем и профессиональном) является диалогически организованная работа с оригинальными произведениями классиков культуры (и, в частности, науки) [6]. Значимость такой работы для профессиональной подготовки психологов даже несколько неловко подчеркивать...

5. Возвратимся к сказанному в п. 2 о такой стратегии психотерапевтической деятельности,

когда соблюдению принципов и техник, характерных для определенной научно-практической школы, не уделяется много внимания, а предпочтение безоговорочно отдается благу конкретного пациента. Обратим теперь внимание на то, что очерченную стратегию принято называть *эkleктической*. Как отмечается в «Психотерапевтической энциклопедии», «психотерапевт-эkleктик, в зависимости от характера патологии, потребностей и возможностей пациента, использует методы различных направлений психотерапии, добиваясь позитивных изменений в симптоматике, внутреннем мире и поведении больного» [27, с. 692 – 693]. Казалось бы, чего еще желать? Тем не менее, как согласовать это приятное впечатление с распространенным пониманием эkleктики как «беспринципного сочетания, механического смешения разнородных, несовместимых, исключających друг друга взглядов, воззрений...» [17, с. 679]? Встречается, правда, и более снисходительное отношение к ней, когда в эkleктике усматривают «закономерный момент в развитии познания, для которого характерны элементы знания, не имеющие единой теоретической основы...» [29, с. 125].

Так или иначе, мы соприкоснулись с ситуацией, провоцирующей когнитивный диссонанс. Чтобы избежать его, примем за основу простейшую формулировку, согласно которой эkleктичность – это неупорядоченность совокупности знаний (вообще, идеальных содержаний). Эkleктичности противостоит их упорядоченность, или, иначе, *системность*. Очерченная выше стратегия психотерапевтической деятельности является эkleктичной в том смысле, что системные связи, обеспечивающие успех терапии, не отрефлексированы на теоретическом уровне. Это, конечно, является недостатком указанной стратегии, но не обесценивает ее. Вместе с тем указанный недостаток преодолевается, в меньшей или большей мере, в рамках так называемой *интегративной психотерапии* [27].

Однако я хотел бы подчеркнуть другое. При всей важности теоретической обоснованности, важнее все-таки практический успех психотерапевта. И если он достигается, причем не только в отдельных случаях, а с определенной надежностью, – это означает, что указанные связи реализованы в практическом протекании деятельности. Здесь уместно сослаться на Д.И. Дубровского, подчеркивающего совместимость иррациональных механизмов творческого процесса с тем, что «готовый продукт творчества, обладающий существенной социальной ценностью, – это новая, *уникальная целостность* и потому есть по сути своей рациональное качество, которое противостоит хаотичному, разлагающемуся, аморфному, субъективистскому, абсурдному» (цит. по [25, с. 10]).

Итак, эkleктичность как таковую не следует оценивать однозначно. А принцип отношения к ней (конечно, не только в психотерапии) должен быть такой: *от эkleктичности не опускаться к односторонности, а подниматься к системности*.

* * *

Мне удалось осветить здесь лишь некоторые аспекты взаимосвязи методологии и психологии в гуманистическом мировоззренческом контексте. Надеюсь продолжить рассмотрение этих чрезвычайно интересных вопросов в следующем очерке.

Литература:

1. **Аантус К.** Головна течія у психології та гуманістична альтернатива // Гуманістична психологія: Антологія в 3 т. / За ред. Р. Трача, Г. Балла. – Т. 1. Гуманістичні підходи в західній психології ХХ ст. – К.: Пульсари, 2001. – С. 23 – 36.

2. **Балл Г.О.** Сучасний гуманізм і освіта: Соціально-філософські та психолого-педагогічні аспекти. – Рівне: Ліста-М, 2003. – 128 с.
3. **Балл Г.О.** Актуальні проблеми психологічної епістемології // Мова і культура. – Вип. 6. – Т. II. Психологія мови і культури. Мова і засоби масової комунікації. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2003. – С. 5 – 12.
4. **Балл Г.А.** «Мотив»: уточнение понятия // Психол. журн. – 2004. – Т. 25. – № 4. – С. 56 – 65.
5. **Балл Г.О.** Категорія культури і психологічна наука // Наукові записки Інституту психології ім. Г.С. Костюка АПН України / За ред. С.Д. Максименка. – К.: Главник, 2005. – Вип. 26, в 4 т. – Т. 1. – С. 70 – 75.
6. **Балл Г.А., Волынец А.Г.** К анализу идейных основ гуманистически ориентированного образования // Гуманизация образования. – 2000. – № 1. – С. 22 – 51.
7. **Бардина Н.В.** Языковая гармонизация сознания. – Одесса: Астропринт, 1997. – 271 с.
8. **Библер В.С.** На гранях логики культуры: Книга избранных очерков. – М.: Русское феноменологич. общ-во, 1997. – 440 с.
9. **Б'юдженгал Дж.** Третя сила у психології // Гуманістична психологія: Антологія в 3 т. / За ред. Р. Трача, Г. Балла. – Т. 1. Гуманістичні підходи в західній психології ХХ ст. – К.: Пульсари, 2001. – С. 80 – 90.
10. **Василюк Ф.Е.** Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
11. Влияние современной американской психологии на практическую психологию в России / Под ред. М. Котэ и А.Г. Лидерса: Спец. приложение к «Журналу практического психолога». – М., 1998. – 220 с.
12. **Выготский Л.С.** Собр. соч.: В 6 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 3. – 368 с.
13. **Гільбух Ю.З.** Із досвіду реалізації гуманістичної парадигми у психотерапії // Міжнародний семінар з гуманістичної психології та педагогіки (Рівне, 15 – 17 червня 1998 р.): Тези доповідей і повідомлень. – Рівне: Ліста, 1998. – С. 32 – 33.
14. Гуманістична психологія: Антологія в 3 т. / За ред. Р. Трача, Г. Балла. – Т. 2. Психологія і духовність. – К.: Пульсари, 2005. – 280 с.
15. Интервью с И.В. Равич-Щербо // Психология в вузе. – 2003. – № 1 – 2. – С. 40 – 59.
16. **Климов Е.А.** А.Н. Леонтьев – человек могучего действия // Психология в вузе. – 2003. – № 1 – 2. – С. 112 – 115.
17. **Кондаков Н.И.** Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
18. **Лазурский А.Ф.** Классификация личностей. – Л.: Госиздат, 1924. – 290 с.

19. **Леонтьев А.Н.** Психология искусства и художественная литература // Литературная учеба. – 1981. – № 2. – С. 177 – 185.
20. **Леонтьев А.Н.** Избр. психол. произв.: В 2 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. II. – 320 с.
21. **Максименко С.Д.** Г.С. Костюк і генетична психологія // Практична психологія і соціальна робота. – 1999. – № 8. – С. 6 – 8.
22. **Маркова А.К.** Пути исследования мотивации учебной деятельности школьников // Вопр. психологии. – 1980. – № 5. – С. 47 – 59.
23. **Маслоу А.** Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999. – 425 с.
24. **Моляко В.А.** Психология решения школьниками творческих задач. К.: Радянська школа, 1983. – 96 с.
25. Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре: Материалы «круглого стола» // Вопр. философии – 2003. – № 12. – С. 3 – 52.
26. Психология с человеческим лицом: Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. – М.: Смысл, 1997. – 336 с.
27. Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского. – СПб.: Питер, 1998. – 752 с.
28. **Рекало В.І.** Принцип багатовимірності знання про особистість в світлі психотерапевтичних завдань // Практична психологія та соціальна робота. – 2004. – № 7. – С. 77 – 80.
29. Філософський словник / За ред. В.І. Шинкарука. – К.: Головна редакція УРЕ, 1973. – 600 с.
30. **Юревич А.В.** Психология и методология // Психол. журнал. – 2000. – Т. 21. – № 5. – С. 35 – 47.

1 Аналогия здесь не полная: педагог или психотерапевт не только участвует в сотрудничестве, но и организует его.